

2016-06-15 □ **«БЕДА, КОЛЬ ПИРОГИ НАЧНЕТ ПЕЧИ САПОЖНИК, А САПОГИ ТАЧАТЬ – ПИРОЖНИК»**

В газете «Коммуна» за 31 мая 2016 года была помещена статья «Точки роста «оборонки», посвященная работе «круглого стола» под председательством депутата ГД РФ Алексея Журавлева на тему «Точки роста региональной экономики: взаимодействие оборонно-промышленного комплекса и малого и среднего предпринимательства». В работе «круглого стола» приняли участие такие значимые лица, как Президент Института национальной стратегии М. Ремизов, Президент фонда экономических исследований М. Хазин, главный редактор журнала «Национальная оборона» И. Коротченко, представители правительства Воронежской области, предприниматели, производственники.

Я, Костин Георгий Васильевич, в ВПК проработал в общей сложности 42 года, в том числе 7 лет – заместителем Главного конструктора и 13 лет директором на стратегических предприятиях «оборонки», возглавлял в ГД РФ комитет по наукоемким технологиям, который курировал все оборонные отрасли промышленности. Выпустил монографию и ряд статей как раз о роли ВПК как возможного и единственного локомотива развития российской экономики. Но на «круглый стол» меня не пригласили.

Видимо, не желая иметь оппонентов.

Из пяти, видимо, наиболее значимых участников «круглого стола», комментарии которых приведены в статье, только И. Коротченко можно отнести к знатокам оборонной продукции, да и то как ее потребителя, а не как разработчика или организатора производства. Опыт самого Журавлева в вопросах организации производства ВПК вряд ли можно считать достаточным, чтобы вести «круглый стол» на столь важную тему. Всего несколько лет работы в КБХА рядовым инженером, да и то 30 лет тому назад. В посылках и комментариях А. Журавлева, приведенных в рассматриваемой статье, в вопросах развития и роли ВПК продемонстрированы и непрофессионализм, и некомпетентность.

Журавлев отмечает, что в Воронежской области «предприятия ОПК играют ведущую роль в экономике региона... здесь готовят кадры для ВПК». (Журавлев почему-то все время употребляет то ОПК, то ВПК).

Предприятия ВПК действительно играли не просто ведущую, а главенствующую наряду с сельским хозяйством роль в экономике Воронежской области... но только 30 лет назад. Где сейчас институты и предприятия, где 30-тысячный коллектив «Электроники», где оборонная продукция «Электросигнала» и завода радиодеталей? А вместо «Энергии» – вообще торговый «Перекресток».

Воронежский механический, имея 23 тыс. работающих и оборонный заказ на 70% своей мощности, поставлял в год более 250 двигателей 9 наименований. Теперь, сократив численность до 6 тыс. и фактически не имея госзаказа, поставляет в год чуть больше десятка двигателей всего двух наименований, освоенных еще в 60-е годы прошлого столетия. Был самостоятельным ведущим профильным предприятием союзного значения, превратился в филиал московской фирмы.

В КБХА после 1990 года за последние 26 лет не освоено ни одного нового топлива, отработан и изготавливается в собственном производстве всего один двигатель. А за 26 лет до 1990 года было освоено 5 новых видов топлива, создано и передано на серийные заводы Воронежа, Ленинграда, Перми и Красноярска 11 двигателей для космических и стратегических ракетополетов, отработано более 10 экспериментальных двигателей. Чтобы убедиться в том, что все они не имели мировых аналогов, достаточно вспомнить двигатели для «Энергии-Бурана» и легендарной «Сатаны». В КБХА сменили

генерального конструктора на менеджера... и теперь новые двигатели, дай бог, появятся через десяток лет.

Пока держится только объединение, созданное на базе «НИИ Связи». Таким образом, от ведущей роли ВПК в Воронежской области остался только пшик.

О подготовке кадров для ВПК. Воронежский политехнический институт и 30 лет назад, когда учился в нем Журавлев, кузницей кадров для ВПК не был. Для КБХА, ВМЗ и авиационного завода кузницей кадров были харьковский ХАИ, московские МАИ и МВТУ, ленинградский Военмех. Эти ВУЗы входили в десятку лучших мировых институтов, представляли собой профильные научные школы. Но они могли поставить от требуемого количества молодых специалистов всего одну треть. Вот и «лепили из того, что было». Брели из воронежских политехнического, строительного и даже лесотехнического институтов. А потом в течение года доучивали их до способности работать в производстве высоких технологий на специально созданных на предприятиях кафедрах. На ВМЗ было три таких кафедры, в том числе кафедры ХАИ и МВТУ. Видно, не всех удалось доучить.

В своем выступлении Журавлев отметил, что ОПК «надо совершить мощный рывок, сравнимый с индустриализацией 30-х годов XX века... в кратчайшие сроки обеспечить полное импортозамещение». И далее: «Развитие ВПК – локомотив, который может двинуть вперед всю российскую экономику». Не знаю, сам придумал этот посыл Журавлев или воспользовался подсказкой. Только за последние 5 лет на эту тему вышла моя монография и почти десяток моих статей. Они размещались в интернете и прессе, направлялись Президенту РФ, председателю правительства, председателю ГД РФ. Приведу всего два примера.

23.02.2010 года, Президенту РФ Д.Медведеву. «Предложения по форсированному переводу экономики РФ на инновационный высокотехнологичный путь развития»: «Реальный путь модернизации российской экономики – это опора на традиционно высокие технологии российского ВПК, возрождение на их основе предприятий и отраслей локомотивов, а за тем уже распространение высоких технологий на остальные отрасли народного хозяйства».

Апрель 2014 года. «Системы безопасности и стратегия перевода экономики России на высокотехнологичный путь развития». Интернет, «Экономическая газета»:

«Кратчайший, наиболее рентабельный и эффективный путь перевода российской экономики на инновационный высокотехнологичный путь развития, позволяющий восстановить системы безопасности страны, позволяющий оснастить Российскую армию превосходящим мировые аналоги вооружением – это восстановление оборонных предприятий и создание на их основе отраслей локомотивов модернизации всего народного хозяйства России... Проблема модернизации российской экономики на основе высоких технологий не может быть реализована без опоры на оборонную промышленность, без ее опережающего восстановления и использования в качестве локомотива промышленного потенциала страны».

Но не в авторстве суть. Посылы Журавлева, хоть и запоздалые, но совершенно верные. Более того, ВПК не только «может двинуть вперед всю российскую экономику». Другой научно-промышленной структуры, которая может это сделать просто не существует в природе. И отрадно, что в ГД РФ об этом, наконец-то, хотя бы заговорили.

Но вслед за этим верным посылом Журавлев заявляет: «...важным моментом в решении этой задачи (рывок ВПК, локомотив экономики, импортозамещение) является тесное взаимодействие и сотрудничество предприятий ОПК с малым и средним бизнесом». И далее: «доля малого и среднего бизнеса в ОПК занимает не более 3 процентов. Зато в странах Евросоюза она составляет 22 процента». Журавлев считает, что «нам нужно увеличить этот показатель в 10 раз. Чем не рывок, который сделала молодая страна Советов в тридцатые годы?»

Начнем с рывка в тридцатые годы прошлого столетия. Да такой не рывок, а прорыв был и назывался он Сталинскими пятилетками и индустриализацией народного хозяйства. Начиная с 1929-го года, всего за пять лет было построено более полутора тысяч крупных предприятий. В том числе, ВМЗ и авиазавод в Воронеже. Но строили исключительно крупные предприятия. Журавлев, видимо, спутал 30-е годы с началом 20-х, т.е. индустриализацию – с НЭПом.

Созданные в этот период именно крупные государственные предприятия позволили за этот же период в 7,1 раза повысить добычу угля, в 3,1 раза – нефти, в 1999 раз – железной руды, в 33,5 раза увеличить выплавку стали. Позволили, начиная с 1930 года, обеспечивать 16,5 процентные среднегодовые темпы роста промышленной продукции. К 1937 году СССР на 8% мирового населения производил 13,7% мировой промышленной продукции.

А что существенное для экономики построено за последние 26 лет в Воронеже? Строительные мощности использовались не на «оборонку», а на возведение офисов банков, торговых центров и престижных коттеджей для владельцев того самого малого, среднего и крупного бизнеса. И, если уж заговорили о восстановлении «оборонки», то в первую очередь депутатам ГД РФ вместо того, чтобы заниматься погоней за голосами малого и среднего бизнеса, следовало бы задуматься о переводе ресурсов на промышленное строительство.

У меня большое сомнение в том, что в Евросоюзе доля малого и среднего бизнеса именно в ВПК составляет 22%. За рубежом не тратят деньги на ветер. Малый, да и средний, бизнес может принести некоторую пользу лишь во вспомогательном производстве ВПК, например, в ремонте оборудования или переточке инструмента. А это не десятки процентов, а всего лишь десятые доли одного процента. Но даже если приведенные Журавлевым цифры верны, зачем нам опыт Евросоюза? Темпы роста, в странах Европы и в США, в том числе и в ВПК, во все времена были в 4 – 6 раз ниже, чем в СССР. Нечему нам учиться на Западе, во всяком случае, в организации промышленного производства высоких технологий, в обеспечении его рентабельности и темпов роста.

Не следует забывать и о том, что именно внедрение малого бизнеса в виде кооперативов на предприятия ВПК в конце 80-х было одним из мощных факторов разрушения «оборонки», да и промышленности в целом. Сравните: на ВМЗ в 1988 – 1993 годах не было создано ни одного кооператива. И потеря численности, а, следовательно, и объемов производства (а это оборонка и высокотехнологичное импортозамещение в нефтегазовой, медицинской и пищевой промышленности) к 1993 году составили всего 2 процента при среднем по Воронежу – свыше 50%. На НПО «Энергия» производство было фундаментально переведено на принципы малого бизнеса (раздроблено на массу малых, финансово самостоятельных предприятий). И где это НПО оказалось уже в 1993 году?

В ВПК малому и среднему бизнесу места нет по определению. Создание и производство любой оборонной техники имеет смысл только в том случае, если к моменту начала поставок она по своим тактико-техническим характеристикам превосходит разработки аналогичных изделий потенциальных противников. Следовательно, уже в момент проектирования все элементы будущего изделия должны соответствовать требованиям, которые будут предъявлены к данному виду продукции через 5 – 10 лет. Это возможно, если успешно работает внешняя разведка, а в головных институтах ведется мониторинг импортных разработок и прогнозируется развитие отечественных аналогов. Все это – глубокая государственная тайна и допуск к ней частных лиц – преступление.

Наш горький опыт 90-х показывает, что 9/10-х оборонных разработок и технологий оказались за рубежом и, прежде всего, через лиц двойного гражданства и как раз тех самых работников малого и среднего бизнеса, грабивших интеллектуальный потенциал крупных предприятий.

Разработка перспективных видов вооружения по определению имеет далеко отложенный результат и ведется параллельно по нескольким направлениям, многие из которых оказываются тупиковыми. И это нормально, если мы хотим получить изделия, превосходящие по своим характеристикам мировой уровень. Вести такую работу на базе кредитов коммерческих банков невозможно. Предприятия, ведущие эти разработки, должны быть на полном государственном обеспечении, т.е. по современному определению быть унитарными государственными, а не частными.

Поэлементная разработка конструкции уникальных и сложнейших изделий оборонной техники и ее отработка должны вестись по единой и предельно дисциплинированной технологической цепочке, под единым управлением и в едином, взаимоувязанном комплексе. Иначе неминуемо получится «лебедь, рак и щука». Все это возможно только в едином коллективе профессионалов численностью не менее 500 человек даже при создании сравнительно простой военной техники тактического назначения. Успешное создание стратегической военной техники под силу лишь единым коллективам численностью в несколько тысяч исследователей, конструкторов, производственников и испытателей. А Журавлев предлагает пятую часть этих работ поручить разрозненным предприятиям малого и среднего бизнеса? Безусловно, смешно, а из уст депутата ГД РФ – вредоносно.

Ряд участников «кругло го стола» высказалась в пользу малого и среднего бизнеса, как менее затратных производств по сравнению с крупными предприятиями. Это так, если речь идет о производстве простейших изделий ширпотреба. А если заставить малый и средний бизнес брать многолетние кредиты в коммерческих банках и платить по ним в течение десятка лет проценты? Разве что обналичат кредиты и окажутся где-то в Англии или в Израиле. Примеров выше крыши.

При создании опережающей время и потенциальных противников военной техники, во-первых, используется уникальное и дорогостоящее производственное оборудование, которому зачастую невозможно обеспечить полную загрузку. Во-вторых, до трети стоимости производственной базы оборонных предприятий составляет

экспериментальная база, тоже загружаемая лишь периодически. Ни того ни другого малый и средний бизнес ни приобрести, ни обеспечить их рентабельную эксплуатацию не могут. А если рискнут, то либо с треском обанкротятся, либо на многие годы сядут в долговую яму.

И еще два примера «нерентабельности» крупных предприятий ВПК и неприемлемости привлечения малого и среднего бизнеса в ВПК. Себестоимость продукции в ВПК обратно пропорциональна его серийности. Так себестоимость двигателя на ВМЗ при изготовлении в год 36 штук в 2,6 меньше, чем при изготовлении 5 штук в год. Самолеты серии ИЛ-96 на ВАПО становятся конкурентоспособными на мировом рынке только при серийном производстве не менее 20 штук в год. Можно обеспечить крупносерийное производство, например, магистральных самолетов или танков на предприятиях малого и среднего бизнеса? Не смешите, господа!

В 1989 году бюджетные ассигнования на ракетно-космическую отрасль составили 6,9 млрд. руб. Это в 26 раз меньше, чем был объем незавершенного строительства, в 35 раз меньше сверхнормативных остатков материальных ценностей и в 3,5 раза меньше стоимости допущенных в 1989 году потерь зерна. Все поставленные перед отраслью задачи в области обороны и космических исследований были выполнены. Дополнительно для ТЭК на предприятиях отрасли за три года было освоено 1420 видов оборудования. Третью его превосходила по своим эксплуатационным характеристикам зарубежные аналоги, остальное им не уступало. Стоимость этого оборудования была более чем вдвое ниже импортируемого, на закупку которого тратится около 40% экспорта нефти и газа.

В целом в 1990 году ВПК выпустил 15% металлорежущих станков, 32,4% установок для добычи нефти, 86,4% бытовых газовых и электрических плит, 92,7% холодильников, 85% вычислительной техники, 100% фотоаппаратов, видео и телевизионной техники. Более 40% этой продукции было экспортировано, что подтверждает ее конкурентоспособность на мировом рынке. И все это разрабатывалось и изготавливалось на крупных предприятиях высоких технологий.

Итак, малый и средний бизнес нужен ВПК не более, чем зайцу стоп-сигнал. Широкое участие малого и среднего бизнеса в ВПК приведет к результату, прямо противоположному тому, что проповедует Журавлев.

А вот предприятия ВПК малому и среднему бизнесу нужны позарез. Надо же за счет кого-то демонстрировать свою «высокую рентабельность», простите, высокую прибыль, высокую зарплату и т.д.

В своем обращении к Президенту РФ В.Путину в 2015 году я писал: «Нельзя организовать кооперацию и создать единые технологические цепочки предприятий науки, проектирования и производства, одновременно акционируя и приватизируя их, делая ставки на малый бизнес, а не на целевые научно-производственные комплексы. Нельзя возвратить в науку и производство высоких технологий элиту общества, сохраняя приоритет в доходах не в сфере реального производства, а в финансовом, торговом и обслуживающем секторах экономики». Дошло ли?

Так за что А.Журавлев? За возрождение ВПК или за процветание на теле ВПК паразитирующих структур, рожденных либерально-рыночной барахолкой? Компромисса здесь нет и быть не может.

Георгий Костин